

5. **Grzybowski S.** Marcin Kromer czyli Kariera snoba // Pisarze staropolscy. – Warszawa, 1997. – Т. 2. – С. 43–70.
6. **Chrzanowski I.** Studium literackie. – Warszawa, 1906. – С. 3–30.
7. **Рогов А. И.** Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. – М. : Наука, 1966. – С. 10–26.
8. **Radziszewska J.** Maciej Strykowski i jego dzieło // Strykowski M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, zemojdzkiego i ruskiego, przed tym nigdy od zadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bozego a uprzejmie pilnego doświadczenia, oprac. Julia Radziszewska. – Warszawa, 1978. – 762 s.
9. **Умбрашко К. Б.** Истоки развития исторических знаний в России в первой половине XIX в. // Философия образования. – 2006. – Спец. вып. 2. – С. 100–105.

УДК 37.0 + 94 (4)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ВО ФРАНЦИИ XVII–XVIII ВВ.

М. А. Сидоренко (Новосибирск)

Автор анализирует взаимосвязь французского королевского двора эпохи Людовика XIV (1643—1715) с процессами образования и просвещения французского (и в целом европейского) общества раннего Нового времени. В статье исследована одна из функций придворного общества в период правления Людовика XIV, которое, являясь своего рода «очагом культуры», выполняло функцию примера для нации. Ведущую роль играл сам Людовик XIV, которого по праву можно называть «королем-педагогом» и отнести к числу просвещенных монархов. Благодаря последовательной политике в отношении своего двора королю удавалось решать не только вопросы репрезентации и «одомашнивания» дворянства, но также культурные и образовательные задачи.

Ключевые слова: придворное общество, просвещенный монарх, Людовик XIV – король-педагог, благовоспитанный человек, новый поведенческий идеал.

THE EDUCATIONAL FUNCTIONS OF HISTORICAL CONCEPTS IN FRANCE XVII–XVIII CENTURIES

M. A. Sidorenko (Novosibirsk)

The author analyzes the interrelation between the French royal court of the Louis XIV epoch (1643—1715) and the processes of education and

Сидоренко Максим Анатольевич – соискатель кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета.

630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28.

E-mail: masid@list.ru

enlightenment of the French society (and the entire European society) of the Early modern period. One of the functions of the court society in the period of Louis XIV government, being a kind of a «cultural center», was to serve as an example for the nation. The leading part in these processes was played by Louis XIV himself, who can be named a “king-pedagogue” and can be included among the enlightened monarchs. Due to a consistent policy towards the court, the king was able to solve not only the problems of representation and “domestication” of the nobility but also the cultural and educational problems.

Key words: *the court society, the enlightened monarch, Louis XIV as a king-pedagogue, the well-bred person, new behavioral ideal.*

Долгое время не только в общественном мнении, но и в представлении профессиональных историков придворное общество «старого порядка» ассоциировалось с общностью бездельников и развратников, погрязшей во всевозможных пороках [1, с. 50]. Такое видение, прежде всего, было вызвано тем, что тема придворной жизни стала непопулярной после установления во Франции республики в 1870 г. «В авторах, писавших историю королевских резиденций и биографии королей, нередко видели тех, кто ностальгировал по старой Франции» [2, р. 9], – подчеркивает Ж.-Ф. Сольнон, автор монографии «Французский двор» (1987). Мало что изменилось с наступлением XX в.: историки упорно продолжали пересказывать старые мифы и анекдоты, базирующиеся на романах XVIII–XIX вв. и «Мемуарах» Сен-Симона. Перелом в изучении придворного общества и эпохи Людовика XIV наметился после выхода в свет исследований Н. Элиаса, Ж.-Ф. Сольнона и Ф. Блюша. Первые два автора раскрывают самые разные аспекты жизни придворного общества (его функционирование, внутреннюю структуру, эволюцию, быт, нравы, и т. д.).

Ф. Блюш, отказавшись от общепринятой (на тот момент) трактовки личности Людовика XIV («кто только не воюет сейчас против Людовика XIV – многочисленные авторы научных трудов и художественных произведений, педагоги, простой люд и салонная публика» [3, с. 3]), написал новую и в каком-то смысле революционную биографию короля (1986), в которой говорит и о придворном обществе. Так, с 80-х гг. XX в. (хотя монография Элиаса вышла еще раньше) можно говорить о новом подходе в изучении двора «старого порядка». Сегодня уже не интересно говорить о «распущенности нравов» и «извращенном разврате» королевского окружения, куда любопытнее и, как нам кажется, важнее исследовать другие стороны придворного общества – например, его политическую и репрезентативную функции, ведь двор был таким же «инструментом правления» [2, р. 8] монарха, как армия и флот (Элиас и вовсе называет придворное общество «первостепенной сферой действия королей» [4, с. 58]). Важно и то, что придворное общество «старого порядка» было образцом для подражания, «очагом культуры» [2, р. 114], который подавал пример всей нации. Свое влияние на общество двор начал оказывать еще со времен Франциска I (1515—1547), когда французские государи открыли для себя культуру Италии, но более полно, последовательно и разносторонне образовательный и воспитательный потенциал королевского окружения был реализован лишь при Людовике XIV. «Кто видел двор, тот видел все, что

есть в мире самого прекрасного, изысканного и пышного; кто, повидав двор, презирает его, тот презирает и мир» [5, с. 186], – писал о дворе «короля-Солнце» Лабрюйер.

В XVI в. невежество французской знати было одним из общих мест эпохи, некоторые потомки знатных родов и вовсе отвергали ученость из-за сословных предрассудков. Но с воцарением Франциска I положение начало меняться; «король-рыцарь» покровительствовал искусствам и наукам, он выписывал из Италии творения художников, перестраивал королевские резиденции и собирал при своем дворе самых талантливых артистов своего времени. В 1530 г. Франциск основал Коллеж де Франс, «призванный стать моделью нового, более светского типа образования» [6, с. 33], и приказал перевести «Придворного» Кастильоне (1537), дав возможность дворянам, которые связывали свою жизнь с воинским долгом, ознакомиться с новой, более светской манерой поведения. Попытаться изменить нравы двора пытались Екатерина Медичи и ее сын Генрих III (1574–1589), но религиозные войны второй половины XVI в. положили конец культурной политике дома Валуа (а вместе с тем – и роли двора в просвещении нации); потребуется почти столетие, чтобы королевский двор снова начал играть роль законодателя вкуса [6, с. 32–33].

Эпоха Людовика XIV позволила расцвести талантам целой плеяды ученых, исследователей, художников, музыкантов, скульпторов, архитекторов, писателей, поэтов, драматургов, актеров, сценографов. Их деятельность и достижения были неразрывно связаны с придворной жизнью, поскольку все эти многочисленные выходцы из третьего сословия (мало кто из аристократов принадлежал к миру искусства) заняли в окружении короля важное место. Такое тесное взаимодействие и взаимообогащение королевской власти и сфер культуры и науки решало не только политические задачи (как верно заметил К. Бьет, после опалы Фуке (1661) частное меценатство во Франции значительно ослабло, пока совсем не исчезло, и лишь двор принца Конде в Шантийи мог сравниться с королевским [7, р. 16]), но и было направлено на становление нового европейского (в данном случае, французского) общества – более образованного, более культурного и утонченного. Можно даже говорить о том, что Людовик XIV, этот монарх XVII столетия – эпохи моралистов и католической реакции, – предвосхитил такое явление, как просвещенный абсолютизм. Фридрих II, Мария Терезия, Иосиф II и Екатерина II – вот с кем сегодня он ассоциируется, однако никто из этих монархов не был настолько последовательным в деле просвещения, как Людовик XIV. Его политика привела к куда более весомым результатам в деле просвещения и образования нации, нежели переписка правителей с философами (чем порой ограничивались просвещенные монархи XVIII в.).

Людовик XIV – этот король-педагог, который, «словно заботливый пастух, перегонял стадо на новое пастбище» [5, с. 222], сумел привить поданным новые культурные, социальные и поведенческие идеалы. Литературное наследие короля Людовика XIV – это сочинения, написанные с образовательной целью. Свои «Мемуары» король начал писать в 1661 г., как только у него родился первенец. Монарх захотел поделиться собственным опытом и мыслями с наследником трона [8, р. 49]. В 1679 г. Людовик

XIV сочинил небольшое письмо-трактат «Размышления о королевском ремесле», в котором объяснял причины отставки министра иностранных дел де Помпонна. Казалось бы король не должен отчитываться перед кем-то, кроме Бога, но для Людовика XIV, который за пятьдесят четыре года правления редко отправлял в отставку своих сановников, сама ситуация была не совсем обычна. Любопытно это сочинение и с педагогической точки зрения: даже отставку министра Людовик использовал в качестве повода преподать урок управления государством (тому же дофину, которому уже исполнилось восемнадцать). Это также хорошая возможность еще раз донести до своих министров и государственных секретарей то, какой службы король от них ждет. В 1700 г. монарх, за плечами которого было уже сорок лет правления, провожая своего внука, ставшего королем Испании, дал ему краткие письменные советы. И наконец, «Как показывать сады Версаля» – «королевский справочник-гид с 25 параграфами, написанный лаконичным языком и предлагающий хорошо продуманный маршрут» [3, с. 429] по парку. По мере преобразований в Версальском парке Людовик неоднократно переписывал свой путеводитель. Парк Версаля, несправедливо критикуемый Сен-Симоном [9, с. 203], помимо эстетической функции, выполнял и функцию образовательную. «Боссюэ обучал дофина в боскете Лабиринта, где тридцать восемь фонтанов со свинцовыми скульптурами животных, раскрашенными в естественные цвета, иллюстрировали басни Эзопа. Каждая из них сопровождалась сентенцией в стихах, написанной золотыми буквами на дощечке» [10, с. 213–214]. Король, необычайно высоко ценивший эти боскеты, заметил в своем путеводителе, что их надо обязательно посетить [7, р. 348].

На службу делу просвещения (речь идет о привитии новых эстетических идеалов, опирающихся на «высокий стиль» [5, с. 29]) король поставил и сам Версаль, внутренние помещения которого были доступны не только представителям благородного сословия, но и иностранцам (с давних пор королевская резиденция была не только местом, где жила монаршая семья со свитой, но и административным центром государства). Помимо того, что «большие апартаменты» изобиловали многочисленными произведениями искусства (картинами, гобеленами, предметами мебели, вазами, статуями, бюстами), увидеть которые мог каждый посетитель, так еще и сам дворец с его интерьерами представлял собой объект изучения (для иностранных дипломатов и государей Людовик XIV любил сам проводить экскурсии). Пожалуй, наиболее показательным примером может послужить Зеркальная галерея, по плафону которой, расписанному Лебреном, можно изучать историю первых двадцати семи лет самостоятельного правления Людовика XIV – с 1661 г. до 1678 г., когда произошло подписание Нимвегенских соглашений). Что примечательно, все надписи, знаменующие исторические события, сделаны на французском языке, а не на латыни [11, 22–23].

Еще одним источником просвещения являлись и празднества Людовика XIV, легенды о которых живы до сих пор. Посредством придворных дивертисментов и представлений, которые давались на французском языке, до французов доносились сюжеты античных мифов, рыцарских романов и историй, служившие основой для увеселений Людовика XIV – бале-

тов, каруселей, празднеств. Как правило, зрителями этих забав были не только придворные, но и представители третьего сословия. На примере оперного жанра, или как тогда говорили, жанра «музыкальной трагедии», можно проследить путь отдельного культурного явления, зародившегося в эпоху Людовика XIV, проделанный от придворной сцены до самых отдаленных уголков королевства. Годом рождения национальной французской оперы считается 1669 («Помона» Камбера), но за четырнадцать лет до этого, в 1645 г., Мазарини, большой любитель музыки [см. : 12, р. 11], уже предпринимал попытку показать парижанам и двору музыкальную трагедию, правда, на итальянском. Тогда жители столицы встретили эту новинку достаточно прохладно, «поскольку опера была вещью, неизвестной французам, которые предпочитали танец» [12, р. 22]. И лишь когда Люлли стал писать оперы на французском языке (1673), имея беспрецедентную поддержку короля, этот жанр стал популярным как никогда ранее, причем не только при дворе и в Париже, но также во всем королевстве и за его пределами [13, р. 290]. Уже в 1680 г. музыкальные трагедии Люлли ставятся в Марселе и Руане. В это же время творения любимого композитора Людовика XIV, уже одобренные придворной публикой и королем, звучат в Амстердаме (несмотря на враждебные отношения между государствами), в Брюсселе, в Вене, в Праге. Не менее сильное влияние на европейскую культуру оказал Версаль, подражать которому стремились как во Франции, так и за ее пределами.

Людовик XIV и сам был примером для французов – в большей мере, конечно, для тех, кто его окружал, для придворных (личный пример короля – это один из основных моментов его придворной политики). «То был государь, которому нельзя отказать во многих достоинствах и даже величии» [9, с. 103], – писал де Сен-Симон. «Он, можно сказать, был рожден, чтобы стать олицетворением величия, и среди остальных людей все в нем – рост, осанка, изящество, красота лица, сменившаяся с годами важностью выражения, вплоть до звучания голоса, тонкости, прирожденной приятности и величавости облика – до последнего дня выделяло его среди них, как выделяется матка среди пчел» [9, с. 105]. Со времен Франсиска I у французов не было короля, который являлся бы образцом для подражания.

Желание быть похожим на Людовика XIV, прежде всего, базировалось на чувстве восхищения, которое подданные питали к нему. Об этом также свидетельствуют «простые и ясные речи» [3, с. 544] Людовика XIV, сохраненные современниками. Блюш подчеркивал, что это не фразы типа «Государство – это я!» или «Мой дед любил гугенотов и не боялся их, мой отец вовсе не любил их, но боялся, я же не люблю их и не боюсь», которых король не говорил [14, р. 923]. Куда интереснее узнать истинные слова Людовика XIV. «Вы можете, господа, судить о моем уважении к вам уже потому, что я доверяю вам самую ценную для меня вещь – мою славу. Я уверен, что вы справитесь прекрасно; со своей стороны, постараюсь предоставить вам материал, который заслуживает того, чтобы с ним работали такие люди, как вы» [4, с. 125], – с таким напутственным словом в 1663 г. обратился король к членам только что основанной Малой академии, которая отвечала за формирование общественного представления о

короле и веках его правления [9, с. 403–404]. Эти и другие публичные действия, которые намеренно совершались королем, этим «великим человеком» [15, р. 65], в качестве примера и воспринимались его окружением, как пример того, как надо действовать, как надо себя вести. Ф. Блюш писал о зарождении в эпоху Людовика XIV нового социокультурного идеала – благовоспитанного человека: «мы должны быть признательны итальянцу Мазарини, испанке Анне Австрийской, которые сформировали одновременно Людовика XIV и тип благовоспитанного француза. С самого начала своего личного правления королевством благовоспитанный человек, эта *rara avis* (редкая птица), становится образцом для подражания. Воспитанный человек обладает определенными качествами, но также не теряет своего национального своеобразия, и эта национальная самобытность его и отличает от итальянского кавалера и кастильского кабальеро, от британского джентльмена и тевтонского рыцаря» [3, с. 215]. Культуролог А. Озони замечает, что такими «блестящими качествами французского духа», как «элегантность и вежливость», современные французы обязаны Людовику XIV [16, р. 1].

Зародился новый идеал еще в парижских салонах 20–50-х гг. XVII в. При Генрихе IV (1589–1610) и Людовике XIII (1610–1643) придворные нравы сильно огрубели, и окружение первых Бурбонов не было похоже на блистательное и утонченное общество времен последних Валуа. Такими переменами были недовольны некоторые утонченные особы, среди которых была маркиза де Рамбуйе (1588–1665), выросшая и воспитанная в Италии. В 1615 г. она покидает двор, но при этом не удаляется в свое имение, а остается в Париже, создав уникальное социокультурное пространство – литературный салон. «Завсегдатаи ее знаменитого салона – «Голубой гостиной» – являли собой смесь высшей аристократии, знаменитостей и самых остроумных представителей парижского литературного мира» [17, с. 217]. Особенностью этого общества, само существование которого бросало вызов придворному, было то, что здесь главным критерием являлось не знатное происхождение, а знания, талант и утонченные манеры, все то, чего так не хватало окружению Людовика XIII (кстати, герцог Ришелье тоже отказывался мириться с вульгарной грубостью, свойственной королевскому двору [17, с. 277]). Вслед за салоном Рамбуйе появляются и другие, также объединявшие писателей, поэтов и ученых, за творчеством и работой которых пристально следили современники. Так, например, у автора мазаринад П. Скаррона, дом которого снискал славу одного из самых модных парижских салонов, «всех лучших и достойнейших людей неизменно собирала <...> притягательная сила его ума, учености, воображения, бесподобная при всех недугах и ничуть не однообразная веселость, редкостная плодovitость пера и насмешки его, выдержанные в самом лучшем вкусе, которыми до сих пор восхищаются в его творениях» [9, с. 217], – писал де Сен-Симон в 40-гг. XVIII в. Кстати, именно в салонах впервые проявили себя и будущие академики – ученые из Французской академии, основанной Ришелье в 1634 г. Главный министр Людовика XIII предпринял, таким образом, попытку поставить достижения салонной культуры на службу государству. Но Людовик XIV пошел дальше. Во-первых, ему удалось дискредитировать салоны в глазах общества (прежде всего,

парижского), ведь они были источником оппозиции еще со времен его отца [17, с. 217]. Отчасти королю помог Мольер со своими «Смешными жеманницами» [18, с. 146–163] (1659), который показал эти общности с не самой приглядной стороны, сделав акцент на недостатках салонной культуры. Во-вторых, Людовик XIV сразу после окончания Фронды (1648–1652) попытался стать центром двора, собрав вокруг себя аристократов и артистов. Уже с середины 1660-х гг. салоны, не сумевшие противостоять притягательной силе галантного двора, стали терять популярность [16, р. 12]. Как пишет Х. Бьет, политика Людовика XIV и Кольбера принесла свои плоды: артистов все более и более привлекал королевский двор, и хоть салоны не исчезли, они стали заурядными [7, р. 90].

Однако в последние два десятилетия правления Людовика XIV положение меняется, двор постепенно начинает уступать первенство Парижу; уже не король и его окружение подают пример. Интенсивность и насыщенность придворной жизни в этот период снижаются по причине серьезных неудач, которые Франция потерпела в войне за «испанское наследство» (1701–1714) и череде смертей в королевской семье. К тому же Людовик XIV «вступал в пору заката», он все больше нуждался в покое. Молодые придворные жаждали развлечений и ждали наступления нового «золотого века», который они связывали со сменой правителя. Они предпочитали скучной и размеренной жизни Версаля Париж с его театрами, оперой, маскарадами и салонами, которые вновь стали популярными. В начале XVIII в. эти сообщества вновь стали привлекать элиту [7, р. 137], как во времена Ришелье и Мазарини. Соперниками Версаля становятся и частные резиденции «детей Франции» (сыновей, дочерей и внуков короля). Кто-то устремляется в Медон к Монсеньору (титул дофина), видя в нем наследника трона, за которым будущее (весьма недолгое: он умер в 1717 г.). А кто-то очарован атмосферой, царящей в Со, где «миниатюрная и колкая герцогиня де Мен, внучка великого Конде», эта «королева Ночи», успешно конкурирует «посредством феерии праздников на природе и хореографических дивертисментов» с «королем-Солнце» [19, р. 686; 20–21]. Конкуренцию Версалу составляли и Пале-Рояль, и Сен-Клу – резиденции племянника короля герцога Орлеанского.

Пришедшее на смену долгому правлению Людовика XIV Регентство (1715–1723) положило конец просветительскому влиянию французского двора. Мода – вот, пожалуй, единственная область, в которой окружение монарха задавало тон вплоть до 1789 г. В остальном же инициативу перехватил Париж с его салонами, философами и вольнодумцами, одной из главных мишеней для которых и стало окружение короля. Венцом этой «холодной войны» можно считать «Женитьбу Фигаро» Бомарше (1781).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Борисов Ю.** Дипломатия Людовика XIV. – М. : Международные отношения, 1991. – 381 с.
2. **Solnon J.-F.** La Cour de France. – Paris, Fayard, 1996. – 735 p.
3. **Блюш Ф.** Людовик XIV : пер. с фр. – М. : Ладомир, 1998. – 815 с.

4. **Элиас Н.** Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии / пер. с нем. А. П. Кутенкова, К. А. Левинсона, А. М. Перлова, Е. А. Прудниковой, А. К. Судакова. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 368 с.
5. **Лабрюйер Ж. де.** Характеры, или Нравы нынешнего века / пер. с фр. – М. : АСТ : Транзиткнига, 2005. – 412 с.
6. **Неклюдова М. С.** Искусство частной жизни: век Людовика XIV. – М. : ОГИ, 2008. – 440 с. – (Нация и культура / Новые исследования: История культуры).
7. **Biet С.** Les miroirs du Soleil. Le roi Louis XIV et ses artistes. – Paris : Gallimard, 2007. – 176 p.
8. **Louis XIV.** Memoires. Maniere de visite les jardins de Versailles. – Paris : Tallandier, 2007. – 353 p.
9. **Сен-Симон.** Мемуары: Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентства : соч. в 2 т. / пер. с фр. Ю. Б. Корнеева. – М. : Прогресс, 1991. – Т. 2. – 520 с.
10. **Сольнон Ж.-Ф., Сессоль Б. де, Валуа Ф.** Версаль / пер. с фр. – М. : БММ, 2007. – 296 с.
11. **Бойко С.** Шарль Перро. – М. : Молодая гвардия, 2005. – 291 с.
12. **Beaussant P.** Le Ballet des singe et des autruches. – Tours : Gallimard, 2010. – 80 p.
13. **La Gorce J. de.** Jean-Baptiste Lulli. – Paris : Fayard, 2005. – 911 p.
14. **Bluche F.** Louis XIV vous parle // Le Grand rigne. – Paris : Fayard, 2006. – 1279 p.
15. **Madame, duchesse d'Orléans, princesse Palatine.** Lettres. – Paris, 2009. – 736 p.
16. **Ausoni A.** A la cour et a la ville: art de plair, musique et mode // Regards sur la musique au temps de Louis XIV. – Wavre (Belgique) : Mardaga, 2007. – № 1. – 23 p.
17. **Леви Э.** Ришелье и становление Франции / пер. с англ. Е. Е. Сырневой. – М. : АСТ : Астрель, 2007. – 415 с.
18. **Мольер.** Полное собрание сочинений / пер. с фр. – М. : Альфа-Книга, 2009. – 1231 с.
19. **Petitfils J.-C.** Louis XIV. – Paris, Perrin, 2008. – 775 p.
20. **Умбрашко К. Б.** Историческая наука России: методологические уроки XIX в. // Философия образования. – 2006. – Спец. вып. 2. – С. 146–152.
21. **Нехаева С. В.** Из истории университетского образования XV–XVI вв. // Философия образования. – 2006. – Спец. вып. 2. – С. 76–85.

УДК 371 + 13 + 372.016

СТРАТЕГИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ ПРОШЛОГО

Л. Д. Тузикова (Новосибирск)

Актуализирована проблема использования визуальных источников на уроках истории для развития мотивации, познавательной деятельности и критического мышления школьников в условиях активного внедре-

Тузикова Лариса Дмитриевна – аспирант кафедры отечественной истории Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета.

630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28.

E-mail: tuzikovald@mail.ru